

Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы
Международная научная конференция

II Хоревские чтения

24-25 октября 2017 г.

**II Хоревские чтения: ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ.
Образы прошлого в художественной практике
современных литератур Центральной и Юго-Восточной
Европы**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

И.Е. Адельгейм (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

**«Подвальные истории, скользкие повести, блуждающие вдоль стен...»
Освоение опыта исторической вины в прозе 2000-х гг. польских авторов младших
поколений**

Дискурсивизация коллективной травмы всегда связана с перестройкой коллективной идентичности. Проблема Холокоста для Польши оказывается неотделима от причудливого сплетения «мании собственной невиновности»¹ с подсознательным чувством вины, страхом запятнать романтическую роль жертвы приятием роли совиновного, мегаломанией и эгоцентризмом мартирологии, а в конечном счете – с необходимостью переосмыслить дискурс польского патриотизма, польской идентичности. Перед литературой же встает психологически-художественная задача освоения нового для отечественного нарратива опыта – чувства вины и стыда. В докладе этот процесс исследуется на материале, главным образом, романа И.Остаховича «Ночь живых евреев» и рассказа С.Хутник «Муранооо» (сублимация чувства стыда в мотивы страха и возмездия, их визуализация, использование эстетики комического и гротескного, деконструкции кодов масс-культуры и пр.), анализируется автотерапевтическая функция художественных приемов в этих текстах: если визуализация ужаса памяти и беспамятства, гнета национальных стереотипов необходима для их диссоциации и дальнейшего осмысления, то перспектива гротеска, абсурда, комического, карнавального

¹ J.Tokarska-Bakir. Obsesja niewinności. // J.Tokarska-Bakir. Rzeczy mgliste. Sejny, 2004. S.14.

обыгрывание кодов поп-культуры призваны действовать в качестве своего рода обезболивающего, «кавычек», способствуют, помимо эмоциональной разрядки в ситуации вытесненного чувства вины и порожденного вытеснением страха, психологической интеграции – содействуют «трансформации ранее отчужденных аспектов “я” в полноправные аспекты целостной личности, “избегая при этом откровенной идентификации с ними”»².

Н.Е. Ананьева (Москва, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)

Полонизмы в русских «историях жизни» (на примере произведений О. Форш «Сумасшедший корабль» и В. Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни»)

Рассматриваемые в романе произведения принадлежат к разным жанрам повествований о минувшем, отразивших «память сердца и рассудка». Роман В. Войновича – это разновидность литературы non-fiction (мемуары, представляющие собой «воспоминания и припоминания» о своей жизни, изложенные в форме наррации от первого лица). В «последнем романе Серебряного века» О. Форш реализуется креативная функция памяти, воссоздающей подчас в фантазмагорической форме (ср., например, историю сестер-полек, исчезнувших из Петрограда и вдруг появившихся в виде римских проституток) и с большой долей воображения (понимаемого не просто как «мысленное воспроизведение образов», а как «фантазия»), реальную историю обитателей легендарного петроградского Дома искусств («сумасшедшего корабля») в 20-х гг. XX в. О соотношениях памяти и понятий «воспоминание и припоминание» и «воображение» см. в трактате о концепте память Н.Г. Брагиной³. Главы романа О. Форш неслучайно называются «волнами» (накатывающиеся друг на друга волны воспоминаний, волны событий). В девяти «волнах» романа наряду с реальными литературными закодированными (как впоследствии у В. Катаева в «Алмазном моем венце») именами (ср. *Сохатый* – Замятин, *Газтан* – Блок, *Инопланетный Гастролер* – Белый, *Еруслан* – Горький, *Кричалец* – Скиталец, *Жуканец* – Шкловский, *Копильский* – Михаил Слонимский) действуют польские персонажи (реальные? вымышленные?): содержащие кафе «Варшава» две сестры, трагически погибшая учительница-комсомолка *Ядвига Киешневска*, кастелянша «девятка» (ханжа) *панна Генриетта*. В речь этих персонажей и

² Jakob I. Humor and psychoanalysis. //L'Humor. Histoire, culture et psychologie. Paris, 1998. P.17-18. Цит. по: Копытин А.И. Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности // Медицинская психология в России. 2012, №4 (15) http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer02.php

³ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007.

знающего польский язык Сохатого вкраплены полонизмы. Примеры гибридных польско-русских фраз из речи Ядвиги: *Пан есть дурак!.. Товажиш, певне* обманут сходством; *Чи я вас угрызу*, (с русским окончанием -у в глаголе *ugryźć* «кукусить»). Кастелянша Генриетта употребляет такие словосочетания, как *добры учинек* («хороший поступок»), ладанка от *матки бозки ченстоховской*, *гореть в пекле* («в аду»). Примеры полонизированных высказываний у сестер-полек: *З чем вам? З варенем? З орэхем? Певне з макем?*; *Проше пана, муси* быть в Децком Селе, *бенде задоволенá*. В мыслях Сохатого возникает столь похожая на любимую им *Ванду* (одну из сестер-полек) «*товажишка Ядвига*».

Полонизмы в «Автопортрете» В. Войновича представлены в той части произведения, где автор рассказывает о своем романе с полькой *Элькой Гембой* во время прохождения им военной службы «в *Шпротаве* и *Бжеге* на *Одере* в *Польше*» и приезде в эти места через 40 лет (в беседе с тезкой Гембы *Элькой Гембой*). Лексический состав этих полонизмов разнообразен: глаголы, номинирующие чувства (*кохам* «люблю») и половой акт (вторичное значение глагола *дать* – *дам*), глаголы движения (*пшидешь* «придешь», *втекай* – польск. *uciekać* «убегай»), глагол умственной деятельности (*запаментай* «запомни»), экзистенциальные глаголы *быть* и *жить* (*естем* Элька «я Элька», *бенде* «будет», она ... *не жие* «она умерла, ее нет, букв. не живет»), наречия места и времени (*ту* и *тутай* «здесь», *ютро* «завтра», *вечорем* «вечером», *тераз* «сейчас», *юж* «уже»), отрицательная частица *не* (*не* *тераз*, *не* *тутай*), утвердительная частица *так* «да», союз *але* «но», форма личного местоимения *ты* (*ти* ‘тебе’ и некорректно ‘тебя’: *Я ти прошу*); числительное 14 (*чтернаштя* – польск. *czternaście*), отрицательные местоимения *ниц* «ничто, ничего», указательное местоимение *то* (*то* *ти не вольно*), модальные слова запрета (*не вольно* «нельзя»), предлог *до* в значении ‘к(о)’ (*пшидешь до мне*). В авторском нарративе отмечены, кроме лексемы *пани* (в функции обращения и в значении ‘женщина-полька’ – ср. *Пани покачала головой*⁴), также лексемы *дефензива* (польская «дефензива»), *обыватель* «гражданин» (причем в объяснении «*obuyaczal* – по-польски гражданин» польское слово *obywatel* напечатано с двумя ошибками: с *v* вместо *w* и с *cz* вместо *t*), *пшиметник* – польск. *przymiotnik* «прилагательное» (*реализм без пшиметника*, т.е. без определения «социалистический»).

Среди польских онимов, кроме антропонимов *Элька*, *Гемба*, *Гембка*, отмечены годонимы *Школьна* и *Костюшко* (прецедентное имя употреблено во вторичной функции названия улицы: *потом переехала на Костюшко*⁵), а также хрематоним *Неман* – результат трансонимизации первичного гидронима (употреблен в качестве названия

⁴ Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни. М., 2010. С.197.

⁵ Там же.

табачного изделия: *Наше знакомство произошло благодаря папиросам «Неман», которые я получал по пачке в день*⁶.

В обоих романах имеются замечания об особенностях польского языка. У Войновича это замечание об утрате *л* в *глупый* («*Глупый, то ты не вольно*» – говорит Элька Гемба), что является диалектной (в данном случае силезской) особенностью польского языка. У Форш употребляются близкие сердцу знающего польский язык Сохатого «*все польские юсы* [по всей видимости, имеются в виду носовые гласные – *Н.А.*], *свистящие и шипящие...*»⁷.

Таким образом, и в романе о времени 20-х гг. XX в. и действующих в этом времени героях, и в романе о себе в разные времена («автопортрете» на фоне времени) полонизмы в качестве средства национальной маркированности персонажей позволяют усилить *достоверность* воскрешаемых памятью или воображаемых образов и событий.

А.Б. Базилевский (*Москва, Институт мировой литературы РАН*)

Размытые границы самиздата (casus – издательство «Вахазар»)

В постсоциалистическом обществе место государственной политико-идеологической и нравственной цензуры заняла агрессивная цензура коммерции и политкорректности. Внесистемная суть самиздата осталась прежней, но пейзаж его изменился радикально. В силу обстоятельств в нишевой (маргинальный) круг обращения вытеснены многие акции, имеющие целью выразить суверенную позицию публикатора. Это действия и в сфере традиционной издательской практики (низкотиражные книги, периодика, фанзины), и в зоне дигитализации (электронные издания, сетевые ресурсы). Московское издательство «Вахазар» со своей «Славянской библиотекой» – один из примеров самиздата поневоле, ячейка сопротивления нарастающему примитивизму культурной среды.

Е.В. Байдалова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

«Неудобные» вопросы украинской истории в современной украинской женской прозе (О. Забужко, М. Матиос).

Формирование национальной идентичности современного украинца тесно связано с трансформацией памяти об общем культурно-историческом советском прошлом в прошлое сугубо национальное. Свой существенный вклад в трансформацию исторических

⁶ Там же.

⁷ Форш О. Сумасшедший корабль. М., 2011. С.140.

мифов о событиях украинской истории XX века в последнее десятилетие активно вносят женщины-писатели. В фокусе их творчества – события прошлого, которые представляются «музеем заброшенных секретов» (название романа О. Забужко). Главным таким «секретом» в текстах женской прозы являются события 1943-1947 гг., УПА и ее сопротивление советской власти, события не артикулированные, но сохраненные «генетической памятью».

Г. Борковская (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

Парадокс экзистенции после Холокоста. Эссеистика Петра Матывецкого

Своей книгой «Пограничный камень» (1994) Петр Матывецкий, родившийся в июне 1943 г. в Варшаве, наследник уничтоженного гетто и – в определенном смысле – истории польских евреев, открыл новую страницу литературы о Холокосте и травме, которую тот оставил в психике выживших и их потомков. Это произошло задолго до появления концепции постпамяти Марианны Хирш, задолго до волны посвященных Холокосту исследований – как научных, исторических, так и художественных – подтверждающих бесконечность страдания не только непосредственных свидетелей Холокоста, но и последующих поколений. Матывецкий обращается к Холокосту и в этом эссе, и в других своих произведениях, эта тема пронизывает все творчество писателя. Он исследует клинч, в который попал, оказавшись чудом спасенным. Как можно жить после жизни? Как можно писать о Холокосте и как можно о нем не писать? Голос, язык писателя порождены парадоксами, тавтологией, необходимостью повторений. Целан и Деррида, пишущий о Целане – две точки отсчета, которые помогают разобраться в непростых и тягостных текстах-заклинаниях Матывецкого.

Ю.П. Гусев (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Аристократия и национальная история (последние романы Петера Эстерхази)

Вволю наигравшись в своем творчестве со смыслами, высмеяв, кажется, все и вся, Эстерхази, наконец, задумался, что называется, о душе. Конкретнее: о той семье, в которой ему выпало родиться, о том могучем древе, на одной из ветвей которого возник – как человек, как писатель, как личность, как свидетель и участник исторических сломов – и он.

Романы «Небесная гармония» (2002) и «Исправленное издание» (2002) – плод этих размышлений. В сущности, это – монумент, который он, с присущим ему блеском и остроумием, воздвиг в честь венгерской аристократии, которая на протяжении многих столетий собирала в своих генах все лучшее, что есть в венграх; или, во всяком случае, все то, что было в них особенного и что позволило им сохранять свое своеобразие, свой язык, свою жизнеспособность во всех перипетиях и катастрофах, которых было много за тысячу лет жизни в Европе.

Монумент этот – величествен, при всей свойственной Эстерхази ироничности; но в нем есть и тяжелый трагизм. Писатель не оставляет нас в полной уверенности, что древо его рода выдержало все катаклизмы, от татаро-монголов до коммунистов. Итог его обзора – невесел; но надежда не умерла.

И.А. Ермашова (*Познань, университет имени А. Мицкевича*)

Роль исторической памяти в презентации новой российской литературы польскими издательствами

В контексте истории литературного перевода в целом в сегодняшней Польше важное место занимают переводы новой русской (российской) литературы. По разным причинам ее рецепция не является полной и носит выборочный характер. На примере деятельности и продукции ряда издательств, выпускающих новинки новой русской литературы, можно проследить не только то, что и как переводится, но и как выстраивается система взглядов, оценок и образных представлений о российской литературе и России, в том числе: какие аспекты – исторические, политические, культурные, эстетические – являются приоритетными (если являются) при выборе тех, а не иных авторов и произведений; насколько образы прошлого, представленные в переводимой литературе, влияют на выбор текстов из широкой палитры книг и авторов, существующих на российском рынке? Анализируется деятельность издательств «Чарне», «Познанское издательство» и др., чей выбор авторов и текстов представляется оригинальным, нетипичным, индивидуальным, независимым и значимым не только для создания образа у польского читателя новой литературы соседней страны, но и как средство трансляции собственной культурной идентичности.

Б. Зелиньский (*Познань, Университет имени А. Мицкевича*)

История, память, литература. Образ некоторых войн XX века в современной сербской литературе.

Великая война – Вторая мировая – и постюгославская война позволяют увидеть сложности в области художественного воплощения войны и места, которое эти события занимают в системе памяти литературы, памяти в литературе и литературы как медиума памяти. Война как событие и литературная тема – феномены огромного значения, поскольку война представляет собой фактор, консолидирующий народ, противопоставляет просвещенческому доминированию разума, пробуждает национальную лабораторию памяти, порождая новую символическую систему. Образы войны в сербской литературе связаны с тремя повествовательными структурами, воплощающимися в реалистических, психологических и автобиографических романах, авангардных сюрреалистических и постмодернистских. Первый тип прозы о войне в значительной степени сформирован сильной в сербской культуре эпической традицией, и это течение прозы можно связать с памятью как *ars*, означающим кумулятивный процесс накопления данных, целью которого является конструкция идентичности. Повествование авангардных романов редко направлено на упорядоченное изображение хронологии событий, поскольку здесь часто имеют место временные инверсии, а реальность подвергается анимизации или персонификации. Черты, формы, состояния оказываются представлены как события, в тексте сосуществуют реалистическое и метафорическое описания. Герой авангардного военного романа многократно погружается в сон, поскольку ониризм дает возможность отойти от причинно-следственных связей. Исчезает роль памяти, которую заменяет сфера сна и воображения. Сербский постмодернистский роман на тему постюгославской войны демонстрирует большое разнообразие эстетических решений, однако литературный дискурс в романе Горана Петровича «Осада церкви святого Спаса», например, не оспаривает философские доктрины, не отрекается от метафизики и не отказывается от демонстрации ценностей, целей и интересов этнического сообщества. Он соединяет элементы высокого и низкого искусства и отсылает к стилю и языкам различных эпох, но эта гетерогенность экспонирует аксиологию, насыщенную нравственными, социальными и политическими ценностями, укорененными в национальной традиции. Многочисленные сербские постмодернистские романы, особенно на тему постюгославской войны, демонстрируют угрозу национальным представлениям и противостоят радикальной переоценке, опирающейся на эстетику постмодернизма, хотя существует также течение

постмодернистской сербской прозы, пересматривающей национальную область этнокультурных идей.

Г.Я. Ильина (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Формы исторической прозы в современной хорватской литературе

Современная критика в 2010-е гг. констатировала исчезновение с книжных полок жанра исторического романа и положила начало дискуссии о состоянии исторической прозы. Основным стал ее вывод о деструкции этого жанра, размывании его границ, четко выраженных признаков и гибридизации жанровых структур.

При воплощении этой общей в европейских литературах тенденции в хорватской исторической прозе проявилась своя особенность: в ней остается актуальным вопрос о национальной государственности и идентичности на все 1990-е гг. – разгар войны за независимость и после нее. Однако здесь дискуссия касалась эстетических вопросов соотношения традиций и постмодернистских новшеств, перехода от исторического романа к роману об истории или новоисторическому роману. Прежде всего коррекции подверглась проблема понимания смысла истории, появились альтернативные взгляды, разрушающие существующие иллюзии при сохранении известных «родовых кодов» (Ц. Миланя), содержащих некоторые просветительские импульсы и элементы дидактики.

В следующем веке распространение получает другая тенденция: отход от «большой истории» в сферу человеческого опыта людей иной повседневности. Даже когда исторический материал занимает в произведении значительное место, он выполняет вспомогательную функцию. Происходит, своеобразное «точечное» его включение в общий контекст в самых разных формах – от воспоминаний участников событий, их личных биографий до истории одного года, рассказа об одном городе, годе, дне. Утверждается убеждение, что роман об истории становится человеческим актом только после рассказа о нем. Вера в силу человеческого рассказа становится в литературе устойчивой традицией: «против забвения существует только рассказ... Мир спасет только рассказ» (Е. Ергович). Победить смерть, а значит, и историю может только человеческий рассказ о них» (Н. Фабрио).

Е.Н. Ковтун (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Фантастика и национальная идентичность: чешская литературная версия.

Фантастику, особенно научную (НФ), принято считать литературой, во-первых, имеющей интернациональную проблематику (сквозные темы, подобные контакту с инопланетным разумом, взаимоотношениям природного и искусственного интеллекта, покорению дальнего космоса и т.п., объединяют самые разные фантастические традиции – англо-американскую, советскую, восточноевропейскую), и, во-вторых, устремленной в будущее (ведущей разновидности НФ – социально-философской фантастике – присуща ярко выраженная прогностическая функция). Однако нет правил без исключений, и в докладе на примере чешской литературы XX в. будет показано, что фантастика не менее успешно решает и совсем иные художественные задачи: поддержания национальной памяти и воспитания гордости за прошлое своего народа («В интересах Галактики» Л. Соучека), освещения истории родной страны на фоне «большой» истории Европы («Бессмертная история» И. Кратохвила), поиска в давних событиях опоры для современного существования нации («Семь храмов» М. Урбана).

А.Н. Красовец (Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Память об общем социокультурном пространстве Югославии и его распаде в романах Горана Войновича

Романы Горана Войновича (1980 г. р.), каждый по-своему, затрагивают тему истории общего государства Югославии и его раскола — это двойной социокультурный срез, который представляет собой проблематика переселенцев из южных республик на территории Словении («Чефуры вон!», 2009), военные преступления и вопрос об ответственности поколения детей («Югославия, моя страна», 2012), ход истории как таковой, накладывающий свой отпечаток на интимное существование каждого («Инжир», 2016). Последний роман Войновича «Инжир», удостоенный, как и два предыдущих, награды Керсник за лучший словенский роман года в 2017 г., уделяет особое внимание проблеме памяти и воспоминаний, формирующих основу личной идентичности.

Н.М. Куренная (*Институт славяноведения РАН*)

Восприятие государственной власти на окраине Российской империи: роман Якуба Коласа «На росстанях»

Основной сюжет первого белорусского романа посвящен двум параллельно протекавшим процессам – духовному и профессиональному росту молодого учителя, «нового человека» для Беларуси начала XX в., и движению к самоидентификации белорусского народа. Якуб Колас в предисловии к первой части романа, изданной в Вильно в 1923 г., писал: «В полесской глуши» – это небольшой отрезок жизни сельской интеллигенции и, главным образом, сельского учительства. Жизнь эта относится к самому началу XX века, ко времени первой революции 1905 г.»¹ Новая белорусская интеллигенция, в основном учительская, воспитывалась в абсолютно казарменной обстановке, была возвращена на катехизисе Филарета и исполнена духом идеи «веры, царя и отечества». Частично она оставалась верной казенным принципам, частью же, не видя выхода, опускалась на дно, но были среди них и те, кто на ощупь искал новые пути. Колас впервые в белорусской литературе описал российский исторический контекст, совпавший с его юностью, русско-японской войной, революционными событиями 1905 г. В романе особенно часто упоминается Николай II, его фигура предстает в оскорбительно-карикатурном, ироничном виде. Политическая обстановка того времени представлена в романе автором на широком социальном фоне: через диалоги и частушки студенческой молодежи, своеобразные споры крестьянского люда о роли царских министров, документальные вставки – газетные публикации, репортажи с русско-японского фронта.

А. Легежинская (*Познань, Университет имени А. Мицкевича*)

Троя как компаративистский узел. Опыт осады в контексте новой гуманистики

Доклад посвящен сравнительному анализу двух вариантов «подавляемого» мартирологического дискурса, запечатленного в ряде литературных (поэтические и прозаические произведения), а также паралитературных (автобиографические свидетельства – дневник, воспоминания, письма; а также репортаж и эссе) произведений. Первый – повествование о Ленинградской блокаде, второй – повествование об осаде Сараева. Их объединяет топика (мотив голода, страха, смерти и пр.), отличает же – механизм «подавления» (в первом случае – идеологический, во втором – ментальный и нравственный). Оба варианта описываются как компаративистский узел, который связывает воедино сюжеты гомеровской традиции и главные сюжеты современности, понимаемой как некий идейно-эстетический комплекс. Более широким фоном для анализа

служит в докладе методологический контекст – так называемая новая компаративистика с ее культурной и антропологической направленностью. Анализируемые варианты подавления мартирологического дискурса служат иллюстрацией метода сравнения культурных явлений и исторических процессов, отраженных в разноязычных текстах. В отличие от традиционной компаративистики, базировавшейся на тематологии, такого рода сравнительный анализ сосредоточен на микроисториях, ментальных сценариях (сценариях памяти) и аксиологических культурных моделях.

Н.А. Лунькова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

«Защитник невидимой крепости»: о роли памяти в городском пространстве (цикл рассказов Д. Энева «Серебряные горы»)

Пространство города выступает как аккумулятор личной и коллективной культурно-исторической памяти. Целью данного доклада является исследование пространственных структур, реализующих проблемы взаимодействия памяти / забвения, в цикле «Серебряные горы» болгарского писателя Деяна Энева (1960 г.р.).

Организация художественного пространства цикла включает в себя два существенно связанных между собой хронотопа, которые можно выделить с точки зрения героя-рассказчика: это София его юности и современная София, на карте которой уже стерто многое из того, что принадлежало герою и его поколению. Материальную трансформацию города (застройку кварталов, снос домов и т.д.) рассказчик склонен рассматривать в русле изменений матрицы духовных ценностей, в связи с чем представляется актуальным исследование оппозиций старый / новый, настоящий / фальшивый, последовательно реализуемых в тексте.

В «рассказах-адресах» раскрывается невозможность передачи новому поколению тех невербальных культурных кодов, которые принадлежали городскому культурному пространству прошлого, перестроенному и уничтоженному теперь.

Л.А. Мальцев (*Калининград, Балтийский федеральный университет имени И. Канта*)

Проблематика «четвертого искушения» в повести Е. Анджеевского «Мрак покрывает землю» и в трактате Ч. Милоша «Порабощенный разум»

В докладе предполагается реконструировать идейно-философский метатекст повести Е. Анджеевского «Мрак покрывает землю» и трактата Ч. Милоша «Порабощенный разум». Оба текста создавались в один и тот же период двумя авторами,

непосредственно знакомыми друг с другом и имеющими за плечами сходный поколенческий опыт. Но, помимо общих историко-политических проблем, в сравниваемых текстах важную роль играет надвременной диалог со вставной легендой о Великом инквизиторе из романа «Братья Карамазовы» Достоевского. В свою очередь, метатекстуальным ядром этого произведения является притча из Евангелия о трех искушениях Христа в пустыне. Утверждается, что два исследуемых текста польской литературы не только «транслируют» идейно-философский смысл легенды Достоевского об особой роли третьего искушения – искушения властью, но и появление новой идеологемы, общей для Анджеевского и Милоша – идеологемы искушения истиной, которая приобретает особое значение для интерпретации духовной биографии интеллигенции в странах социализма после окончания Второй мировой войны.

С.Ф. Мусиенко (*Гродно, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы*)

«Польская литература XX в. (1890–1990)» В.А. Хорев в свете тенденций имагологии

В культурах славянских стран разработкой концепций и особенностей молодой науки *имагологии* занимался выдающийся ученый В.А. Хорев. Из огромного арсенала его трудов на эту тему следует выделить: «Польша и поляки глазами русских литераторов», «Восприятие России и русской литературы польскими писателями» и «Польская литература XX века (1890–1990)».

Последний из них представляет взгляд русского ученого на один из трудных, противоречивых и значимых периодов развития польской литературы. Если следовать основополагающему концептуальному принципу *имагологии*, сформулированному В.А. Хоревым: взгляд «чужого на чужое», способствующий углублению понимания «своего», то в названном труде ученый анализирует литературный процесс «другого народа» в трех временных ракурсах и двух аспектах видения. Временные ракурсы: влияние прошлого на современный литературный процесс, настоящее – «литературная реальность» Польши и ее влияние на славянские и мировую культуры, будущее – предвидение судьбы польской литературы. Аспекты видения польской культуры русским ученым связаны с *его* восприятием литературы другого народа в свете сравнения ее с русской культурой и оценками польских исследователей собственной литературы и проблем влияния на нее культур других народов.

Следует подчеркнуть оригинальность и новизну оценок и суждений о польской, русской и мировой культурах, высказанных В.А. Хоревым и представляющих новый

имагологический подход к литературному процессу в целом, так и к творчеству отдельных авторов.

В. Оцхели (*Кутаисский государственный университет*)

Образы исторических личностей Польши XVI-XVIII вв. в творческом преломлении Е.П. Карновича

В центре доклада – образы известных исторических деятелей Польши XVI-XVIII вв., представленные в сборнике «Очерки и рассказы из старинного быта Польши», российского историка, прозаика и публициста Евгения Петровича Карновича (1823-1885), автора нескольких солидных трудов по истории Польши, а также работ по генеалогии, геральдике и исследованиям старинных польских фамилий. Литературная деятельность Карновича, к сожалению, незаслуженно забыта, в то время как его исторические романы являются художественной иллюстрацией многих важных эпизодов истории России.

Очерки и рассказы, рассматриваемые нами, печатались в российской периодике на протяжении многих лет и только в 1873 г. были объединены в отдельную книгу. В них изображены не только узловые моменты польской истории XVI-XVIII вв. и показаны судьбы наиболее ярких представителей польской нации этого периода, но и представлены интересные курьезные истории из жизни польской шляхты. Наше внимание сосредоточено только на известных исторических личностях – это великий хорунжий литовский князь Иероним Радзивилл, сражавшийся в войне 1812 года на стороне французов, надеясь на освобождение Польши армией Наполеона; крупнейший полководец, великий князь литовский Ян Собеский; генерал-композитор, гетман литовский Михал Огинский; лидер борьбы за польскую независимость генерал Тадеуш Костюшко; последний польский король Станислав Август II Понятовский, оставивший значительный след в истории и культуре Польши. При создании портретов исторических личностей Карнович использовал как отечественные, так и зарубежные источники, что позволило ему представить созданные им образы в оригинальном творческом преломлении.

М.Б. Проскурнина (*Пермь, Центр образования «Академия»*)

Два поколения македонских писателей: образы прошлого и проблема дома/бездомности в романах Луана Старовы «Крепость из пепла» и Давора Стояновского «Коллекционеры пепла»

Новые обстоятельства (после обретения Македонией суверенитета в 1991 г.) национальной жизни привнесли в македонский роман и новые повороты в восприятии вопросов национальной идентичности, ставшей краеугольным камнем тематики и проблематики произведений многих македонских авторов. Так, на первый план вышло социокультурное осмысление оппозиций «свой – чужой», «дом – бездомность», «граница – открытость». Интересно обращение к этой проблематике писателей как старшего поколения, так и тех, кто только начинает свой путь в литературе. Творчество Луана Старовы (р. 1941) – классика литературы Македонии, академика МАНИ, автора грандиозной десятитомной (и продолжающейся создаваться) «Балканской саги» (1995 – 2014 - ...) – посвящено размышлениям о пути балканца в современном мире, об определении границ балканского мира в его наиболее значимых координатах: история, религия, культура. Роман «Крепость из пепла» (2002) ярко демонстрирует осмысление автором проблемы дом / бездомность. Отмеченный в 2017 г. престижной национальной литературной премией «Роман года» газеты «Утрински весник» роман Давора Стояновского (р. 1987) «Коллекционеры пепла» (2016) «живет», несмотря на большой поколенческий разрыв между авторами, в схожей проблемно-тематической системе координат. Напрашивающееся сопоставление связано, конечно, еще и с названиями романов Старовы и Стояновского. Мотив пепла – ускользающего прошлого, рассыпающейся в прах памяти, потерянного дома, размывающейся идентичности – объединяет произведения двух столь разных македонских авторов. Вместе с тем важно понять, что молодое поколение македонских писателей во многом иначе смотрит на особенности современной национальной жизни. Нельзя не отметить интересную тенденцию, проявившуюся в символике названий сразу нескольких македонских романов: «Spektator» (2003) Ж. Куюнджиского, «Фиксатор» (2001) Э. Лафазановского, «Подглядывающий» (2007) А. Прокопиева. Позиция фиксатора, отрешенного наблюдателя, применимая как к самим авторам, так и к их персонажам, довольно легко сопрягается с мотивами бегства, путешествия без цели, бездомности. Ностальгия и депрессия – ключевые понятия, определяющие лицо «нулевых» годов в культуре и литературе Македонии. Роман Д. Стояновского «Коллекционеры пепла» вписывается в эту парадигму.

М. Рудковская (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

Традиции живые и мертвые в романах Ольги Токарчук

Доклад посвящен игре с литературной традицией (творчество Э. Хоффман, Б. Шульца и др.) в романах Ольги Токарчук (от «Правека и других времен» до «Книг Иакова»), затрагивающих тему травмы в перспективе природы и культуры. Особое внимание уделяется роману «Веди свой плуг по костям мертвецов», интертекстуальная насыщенность которого дает интересное преломление проблематики конца и метаморфозы в обеих перспективах.

К. Скибский (*Познань, Университет имени А. Мицкевича*)

Реминисценция в восприятии литературных текстов – языковые элементы современной польской поэзии

Доклад посвящен лингвистическим инспирациям, которые могут оказаться полезными при анализе современной польской поэзии. Специфика элементов поэтического языка связана с постоянно меняющейся культурной ролью литературы (особенно поэзии) в контексте социально обусловленного семиотического узуса. Под реминисценцией автор понимает память слов в их отношении – в первую очередь, в предопределенном синтаксисом – к функции языка, его литературной грамматике, истории и моделям коммуникации. Поэзия по-прежнему является притягательной областью культуры, пути ее прочтения раскрывают феномен стихотворных форм, усиливающих природные лингвистические явления, которые приводят к новым интерпретациям того, что в языке зачастую подвергается окостенению (лексическое значение, категориальная связность, линейность текста). Иллюстративным материалом служит современная польская поэзия.

Н.Н. Старикова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

«История сквозь призму лирического фрагмента». Образы прошлого в трилогии Бориса А. Новака «Врата безвозвратности»

Трилогию Бориса А. Новака «Врата безвозвратности: эпос» (2015-2017), объемом 40 тыс. стихов, составляют книги «Атласы ностальгии», «Время отцов», «Прибежища душ». Автор сделал попытку обновить жанр героической эпопеи с помощью «очеловечивания» присущих ей принципов идеализации, героизации и абсолютизации образов, поэтому в центре внимания оказываются не герои Истории, а обыкновенные люди. Мифологической основой эпоса послужили семейные предания и легенды рода

Новаков. Связующим звеном повествовательной структуры всех трех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Представленный событийный ряд связан с функционированием воспоминаний: лирический герой путешествует по лабиринтам исторической и индивидуальной памяти, воссоздавая события, которые лично пережил, или те, рассказы о которых слышал. Мозаичное соединение «*груды осколков*» – лирических фрагментов и микро-сюжетов, «встроенных» в событийный ряд, усложнено темпоральными перебивками. Постигнуть Прошлое, по мысли Новака, возможно лишь через опыт его «личного» переживания, для художника же это один из способов поэтизации Истории.

М. Трошинский (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

«Мы обо всем забыли»? Феномен постпамяти на примере пьесы Дороты Масловской «У нас все хорошо».

В текстах, время написания и время действия которых относится к XXI в. (как в пьесе Масловской) жива память о травме уходящего поколения. Память, сохраняющая образы событий, которые произошли более полувека назад, выходит за рамки отдельной жизни. Почему в описании состояния современного общества находится место для опыта все более далекого прошлого, к тому же не пережитого лично? Всегда ли участники этого хоровода памяти полностью осознают ту ауру, которая при этом создается, и имеет ли она что-то общее с реальными событиями далекого прошлого? И не отрицает ли иронически самое себя (или даже уничтожает) его воплощение в современном цифровом мире, особенно для поколения, чьим поколенческим опытом является цифровой кошмар и полностью дигитализированная катастрофа?

А.В. Усачева (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Литература как память: осмысление эпохи коммунизма в романах Д. Лунгу 2000-х гг.

После революции 1989 г. в румынской литературе начала подниматься тема коллективной и индивидуальной памяти. Воспоминаниям о коммунизме отводится важное место в прозе писателей и старшего, и молодого поколения. Вместе эти произведения воссоздают картину ушедшей эпохи, предлагая взглянуть на прошлое с разных сторон. В данном докладе рассматриваются несколько важных романов XXI в. с целью показать, как литература помогает конструировать образ прошлого.

О.В. Цыбенко (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Польское восстание 1863 г. в прозе Я. Ивашкевича

Важные события национальной истории всегда получают своеобразную интерпретацию в творчестве Ивашкевича, и восстание 1863 г. – не исключение. Объективный взгляд, отказ от мифологизации и романтизации польского освободительного движения, выливавшегося в кровопролитные сражения, – и вместе с тем уважение к патриотической традиции. Основная проблематика рассказа «Хайденрих» – философско-психологическая. Сражения 1863 г. сопоставлены с партизанским движением в годы Второй мировой войны. Широкая историческая перспектива дает возможность размышлять о вечных вопросах.

Е.В. Шатько (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Вербальные коды транслирования исторической памяти в романе Л. Блашковича «Ожерелье Мадонны»

Роман Л. Блашковича «Ожерелье Мадонны» (2003) представляет собой «тюремный травелог», герои которого на фоне бомбежки Белграда коротают время своего заключения в разговорах и размышлениях о своем личном жизненном опыте и через него об историческом опыте Сербии. Историческая память в романе представлена целым рядом негативных исторических мифов о сербском народе («кофейный соцреализм», «утописты и таксисты, намеренно накручивающие счетчики», кумовство и др.), а также отсылками-кодами к актуальной жизни страны 1990-х гг. (упоминаются популярные произведения искусства, деятели культуры, политики, телеведущие), античным мифам (Агасфер, Одиссей, Ахиллей, Лета), авторам мировой литературы и их произведениям (Русо, Гюго, Рембо, Борхес, Кафка, Хаксли), сербской литературе (Негош, И. Андрич, Д. Киш) и истории (Крестьянское восстание, бомбардировки Белграда), явлениям массовой культуры (Си-Эн-Эн, Би-Би-Си, супермен, Моряк Папай, боди-арт). В докладе будет рассмотрено использование вербальных кодов, к которым прибегает Л. Блашкович в «Ожерелье Мадонны», а также предложена попытка их классификации по отношению к исторической памяти (собственно исторические, историко-культурные, политические) и по отношению к культурному коду (сербские, югославские, балканские, общеевропейские).

А.Г. Шешкен (*Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН*)

Мотив исторической памяти в македонском романе 1970-2000-х гг.

Мотивы исторического прошлого широко представлены в македонском романе с самого начала возникновения этого жанра в национальной литературе. Осмысление истории народа тесно связано с углубленным вниманием прозы к воплощению национального характера, национальных жизненных типов. Романы «Ткацкий станок» (1969) и «Узелки памяти» (1990) В. Малеского, «Упрямыцы» (1969) С. Яневского, «Пырей» П.М. Андреевского (1980) обращаются к событиям давней и близкой истории с целью обнаружить истоки стойкости и силы духа своего народа. Писатели-постмодернисты уделяют большое внимание сюжетам, связанным с деятельностью славянских просветителей и их учеников (В. Анодоновский «Азбука для непослушных», 1994; «Пуп земли», 2000).

Л.Ф. Широкова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Семейная хроника в словацкой прозе XXI в.: личные судьбы в потоке «большой истории»

Разновидность романа – жанр семейной хроники – получил заметное развитие в словацкой прозе последних лет, обратившейся к историческим событиям XX-XXI вв., которые формировали облик и сознание современного общества. Рассматриваемые произведения, а это, в первую очередь, книги П. Криштуфека («Дом глухого», 2012), Д. Фулмековой («Конвалия», 2016) и С. Лаврика («Воскресные шахматы с Тисо», 2016), отличаются широким временным охватом (с довоенных лет до наших дней) и неспешностью повествования. На судьбах словацких семей и их представителей отражаются социальные, расовые, гендерные проблемы времени. Важное место занимает тема разных форм взаимодействия человека и власти – сопротивления, конформизма, бездумного или осознанного служения. Интерес представляют и особенности поэтики романов, построение сюжета, роль повествователя и др.

¹ Гушча Тарас. У палесскай глуши. Віля, 1923. С.3.